

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙМАНЪ Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Рафаэль и его картины. Н. Поповой.—II. Мадонна. (Стих.).—III. Переѣздъ черезъ Бреннеръ. Гр. Ины Капнистъ.—IV. Дающаго рука не оскудѣваетъ. Пер. А. Гурьевой.

РАФАЭЛЬ И ЕГО КАРТИНЫ.

(Очеркъ).

НА ВЫСОКОЙ, отдѣльно стоящей горѣ Умбрійскаго горнаго хребта, отрасли Аппенинъ, расположенъ укрѣпленный городокъ—Урбино, прежняя столица герцогства и резиденція владѣтельнаго принца де Монтефельтро и его сына Гвидобальдо.

Въ этомъ уединенномъ городкѣ, окруженномъ дѣвственными дубовыми рощами, родился 6-го апрѣля 1483 года

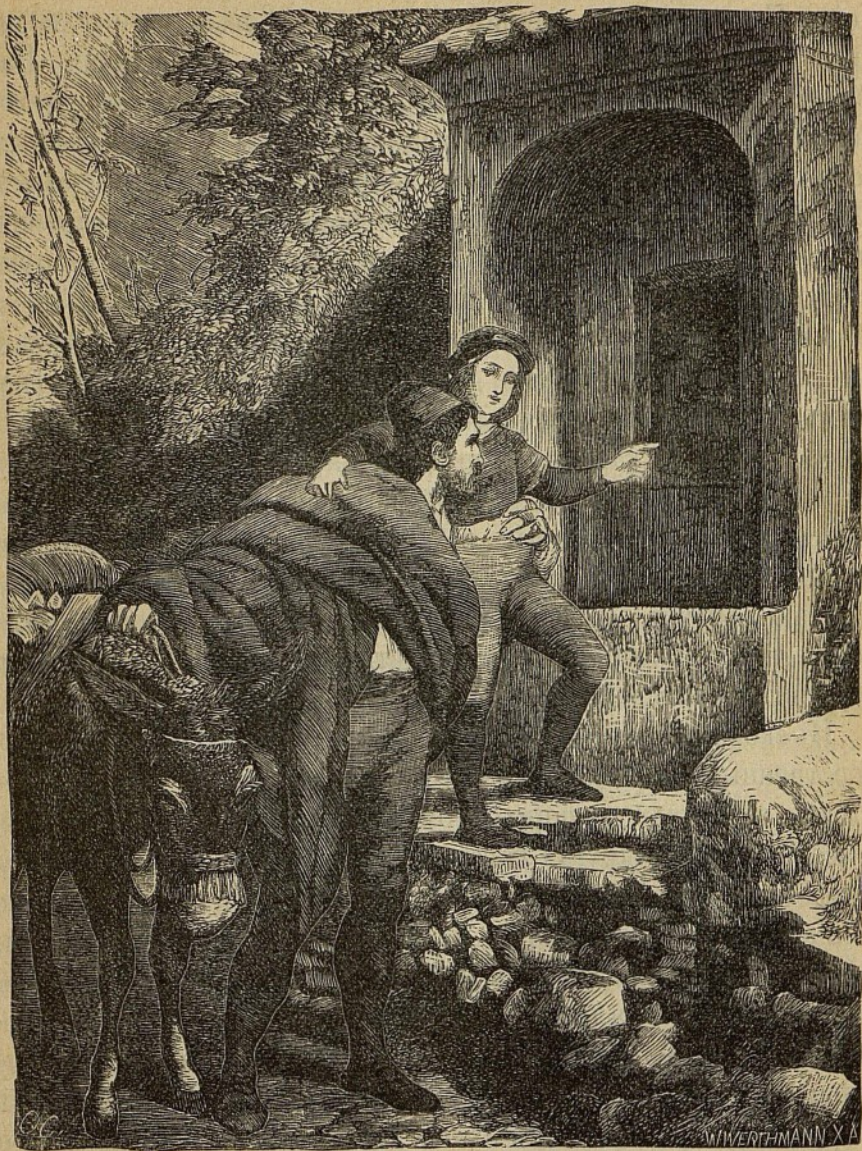

Рафаэль Санти. Радостно встрѣтили своего первенца родители и сама судьба казалось улыбнулась ему съ колыбели. Его отецъ—Джіованни Санти—былъ замѣчательный своего времени живописецъ, а мать его Марія—дочь богатаго урбинскаго негодіанта. Домикъ, въ которомъ Рафаэль впервые увидѣлъ свѣтъ Божій, и по настоящее время стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Недавно онъ купленъ поклонниками и истинными друзьями искусства, которые устроили тамъ городской музей, съ цѣлью увѣковѣчить память этого великаго геніальнаго человѣка.

Родители Рафаэля страстно любили своего сына и окружали нѣжными ласками и попеченіями. Замѣтивъ въ Рафаэлѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ любовь къ рисованію, Джіованни, не надѣясь на свои личныя знанія, хотѣлъ отдать его въ ученіе къ знаменитѣйшему живописцу того времени, маэстро Піетро Ванучи Перуджино. Но ему не удалось это исполнить. Джіованни вскорѣ умеръ, оставивъ сына на попеченіи матери—женщины молодой и неопытной, незнавшей что дѣлать съ ребенкомъ. Опекунъ же мальчика, Бартоломео Санти, тоже о немъ не заботился. Но судьба продолжала покровительствовать своему любимцу и послала Рафаэлю втораго отца въ лицѣ дяди, брата его матери, Симони де Баттиста Чіарло. Привязавшись къ своему маленькому племяннику, онъ рѣшилъ исполнить волю его покойнаго отца и отдалъ Рафаэля въ ученіе къ великому маэстро.

Весною 1495 года, ровно черезъ годъ по кончинѣ Джіованни, въ одно ясное майское утро маленькій Рафаэль вмѣстѣ со своимъ дядей пустились въ путь, уложивши на мулла скромные пожитки мальчика. Ясно и радостно было на сердцѣ Рафаэля, когда онъ отправлялся въ свое первое странствованіе. Его чуткая артистическая душа наслаждалась новыми впечатлѣніями и образами. Въ то время искусства начинали процвѣтать въ Италіи и молодой художникъ съ замираніемъ сердца останавливался въ церквахъ и часовняхъ передъ произведеніями великихъ маэстровъ, между которыми встрѣчалъ

РАФАЭЛЬ И ЕГО ДЯДЯ.

и произведенія своего отца. Знаменитый Перуджино понималъ геніальнаго ученика и далъ направленіе его дарованію. Къ сожалѣнію, немного извѣстно о жизни этого великаго маэстро; единственная біографія его, написанная Вазари, далека отъ правды. Біографъ изображаетъ его человекомъ жестокимъ и невѣрующимъ; между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ Перуджино былъ добръ и глубоко религіозенъ. Во флорентинской галлерей и теперь находится картина, на которой онъ изобразилъ самого себя, держащимъ въ рукѣ полуразвернутый свитокъ пергамента съ надписью: „*Time Deum*“ (бойтесь Бога). Отличительная черта произведеній этого художника, вполне усвоенная его ученикомъ Рафаэлемъ, — это умѣнье придать картинѣ жизненность. Въ ряду превосходныхъ картинъ Перуджино, лучшею считается: „Положеніе во гробъ Христа“, которая до сихъ поръ хранится во дворцѣ Питти, во Флоренціи. Кромѣ необыкновенной гармоніи и яркости красокъ, она поражаетъ вѣрностью фигуръ и глубокой задушевностью. Можно сказать, что она занимаетъ первенствующее мѣсто въ области картинъ религіознаго содержанія.

Въ скоромъ времени Рафаэль такъ свыкся съ манерою и художественными приѣмами своего учителя, что и теперь нерѣдко возникаютъ споры о томъ, учителемъ ли или ученикомъ рисована та или другая картина. Впослѣдствіи, когда талантъ Рафаэля развился до самобытности, его картины отличались геніальностью, повліявшей на успѣхи итальянской живописи. Изъ числа картинъ, писанныхъ Рафаэлемъ въ студіи Перуджино, выдается „Спозалиція“ (обрученіе дѣвы Маріи съ Іосифомъ). Въ ней рѣзко проявился геній художника. Эта картина была заказана для украшенія алтаря Св. Іосифа, въ церкви Св. Франціска въ Читѣ ди Кастелло. Въ настоящее время она находится въ картинной галлерей Милана и пользуется всемірною извѣстностью. Въ изображеніи фигуръ, въ ихъ группировкѣ Рафаэль далеко превзошелъ всѣхъ предшествовавшихъ ему художниковъ. Его Марія, Іосифъ и пер-

восвященникъ поражаютъ зрителя естественностью позъ и жизненностью. Это не картина, это—живые люди.

Въ это время переселился изъ Милана во Флоренцію творецъ новаго направленія въ живописи—Леонардо де Винчи, только что окончившій свою знаменитую „Тайную вечерю“. Картина эта покрыла его имя громкою славою. Флоренція, средоточіе тогдашняго художественнаго міра, приняла его восторженно и глава Флорентинской республики, Содерини, заказалъ великому маэстро фреску (стѣнную живопись) для залы городской ратуши. Содержаніемъ этой фрески де Винчи избралъ битву при Ангіари, прославившую флорентійцевъ блестящей побѣдой надъ миланцами. Такой же заказъ былъ сдѣланъ и Микель Анжело, который считался соперникомъ де Винчи и начиналъ въ это время пользоваться громкою извѣстностью, что было поводомъ къ соревнованію между этими художниками. Картины Леонардо и Микель Анжело считались событіемъ дня и возбуждали интересъ тогдашняго образованнаго общества. Фреска Леонардо представляетъ группу всадниковъ, которые дерутся изъ-за отнятаго знамени. Микель Анжело избралъ для своей фрески эпизодъ изъ борьбы Флорентійской республики съ Пизой. Онъ изобразилъ моментъ, когда купающіеся воины, встревоженные внезапнымъ нападеніемъ непріятеля, поспѣшно выходятъ изъ воды и хватаются кто за одежду, кто за оружіе. Анжело удачно воспользовался случаемъ изобразить человѣческое тѣло во всевозможныхъ положеніяхъ и движеніяхъ и, будучи знатокомъ въ анатоміи, выполнилъ задачу до того вѣрно, что возбудилъ всеобщее удивленіе. Въ это-то самое время явился во Флоренцію Рафаэль. Подъ вліяніемъ этихъ образцовъ искусства Рафаэль создалъ картину, содержаніемъ которой было „Положеніе во гробъ Христа Спасителя“. Лучшимъ твореніемъ новаго направленія является его: „Святая Троица“. Она служитъ первообразомъ величайшему творенію Рафаэля, такъ называемому, „Диспуту“, который украшаетъ стѣну одной изъ залъ Ватикана въ Римѣ. Эта

картина относится къ самому блестящему періоду творчества Рафаэля.

Въ это время Рафаэль былъ вызванъ въ Римъ папою Юліемъ II, извѣстнымъ покровителемъ искусствъ, задумавшимъ постройку храма св. Петра и украшеніе Ватикана. Для этой цѣли стекались въ Римъ извѣстнѣйшіе художники.

Весною 1508 года, по особому приглашенію Юлія II, явился въ Римъ изъ Флоренціи и Рафаэль; онъ удивилъ папу своимъ юношескимъ видомъ. И этому юношѣ папа поручилъ украшеніе стѣнъ великолѣпныхъ покоевъ Ватикана, работу, обезсмертившую имя Рафаэля. Планъ украшенія стѣнъ одной изъ залъ Ватикана, извѣстной подъ именемъ „Stanza della segnatura“, состоялъ въ олицетвореніи, такъ называемыхъ, четырехъ факультетовъ: богословіи, философіи, правовѣдѣнія и поэзіи. Сохранившіеся многочисленные эскизы показываютъ, какъ добросовѣстно и скромно Рафаэль приступилъ къ этому гигантскому труду. Юный живописецъ руководствовался въ работахъ совѣтами своихъ высокообразованныхъ современниковъ: кардинала Бембо, и графа Кастегліоне. Старанія и труды вознаградились сторицею, обезсмертивъ творца и твореніе. Рядъ фресокъ Рафаэль началъ знаменитымъ „Диспутумъ“. Здѣсь величіе изображаемыхъ группъ поразительно. Въ верхней части картины видѣнъ Богъ-Отецъ, благословляющій вселенную. Его окружаютъ хоры ангеловъ и херувимовъ, озаренные лучами божественнаго свѣта. Ниже преображенный Христосъ въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи съ воздѣтыми руками. По правую и лѣвую сторону его на облакахъ, перерѣзывающихъ всю ширину картины, размѣстились святые отцы Новаго и Ветхаго завѣта. Ниже Христа паритъ Святой Духъ въ видѣ голубя, окруженный четырьмя херувимами, держащими четыре Евангелія надъ изображеннымъ внизу алтаремъ, на которомъ стоитъ дароносица. Вокругъ алтаря группируются папы, епископы и святые отцы, погруженные въ глубокое размышленіе и бесѣдующіе о таинственномъ присутствіи Христа въ священномъ таинствѣ причащенія.

Вслѣдъ за этимъ произведеніемъ, Рафаэль принялся за картину, украшающую другую стѣну этой залы. Она представляетъ „Аѳинскую школу“. Въ то время, какъ „Диспутъ“ изображаетъ высшія отношенія между человѣчествомъ и Богомъ и разъясняетъ основной догматъ христіанства, вторая картина знакомитъ съ высшими произведеніями человѣческаго ума, съ науками въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Въ обширной, отличающейся величественной архитектурой залѣ, представляется группа людей, которые ведутъ между собою оживленный разговоръ. Они стоятъ на возвышеніи, къ нему ведутъ широкія ступени; по ступенямъ поднимаются различныя человѣческія фигуры. Въ центрѣ главной группы виднѣются представители философской школы: Платонъ и Аристотель, окруженные толпою жадно слушающихъ философовъ и учениковъ. Изъ этой среды выдѣляются: Сократъ, Алкивиадъ и почтенный старецъ, въ лицѣ котораго Рафаэль изобразилъ своего друга кардинала Піетро Бембо. Ниже, на одной изъ ступеней лѣниво развалился Діогенъ—философъ, проповѣдовавшій, что для достиженія высшей точки человѣческой мудрости надобно отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ благъ. Еще ниже—Пифагоръ объясняетъ, окружающимъ его слушателямъ, чертежъ на аспидной доскѣ, доску держитъ передъ нимъ одинъ изъ учениковъ. Съ правой стороны этой группы выдѣляется Архимедъ съ циркулемъ въ рукѣ, которымъ измѣряетъ математическій чертежъ.

Картина эта изображаетъ духъ греческой образованности и философіи такъ наглядно и ясно, какъ не въ состояніи передать ни ученое, ни поэтическое произведеніе. Въ третьей картинѣ этой залы Рафаэль прославилъ „Поэзію“. На горѣ, изображающей „Парнасъ“, подъ роскошною зеленью лавровыхъ деревьевъ видѣнъ Аполлонъ, окруженный девятью музами. Внизу, представлены группы греческихъ поэтовъ, среди нихъ Сафо и Пиндаръ, окруженные Гораціемъ, Овидіемъ, Катулломъ, Тибулломъ, Проперціемъ и др. Налѣво безсмертный Гомеръ съ воодушевленіемъ поетъ свои творенія,

молодой грекъ записываетъ ихъ для потомства. Картина четвертой стѣны изображаетъ „Правосудіе“. На ней три стройныя, сильныя женщины, имъ прислуживаютъ геніи. Посрединѣ—богиня „Мудрости“, предъ которой геній держитъ зеркало самопознанія. Лѣвѣе — „Сила“, въ лицѣ красивой, здоровой женщины, держащей въ правой рукѣ вѣтку молодаго дуба, геній срываетъ съ вѣтки листья для вѣнковъ героямъ. Вправо отъ Мудрости сидитъ прелестная, кроткая женщина съ уздечкою въ рукахъ—это—Умѣренность. Боковыя части картины слабѣе, полагаютъ что онѣ сдѣланы не великимъ художникомъ. Потолокъ залы Рафаэль украсилъ четырьмя медальонами. Въ нихъ изображены четыре идеальныя женскія фигуры, олицетворяющія четыре факультета: богословія, философіи, поэзіи и правосудія. Фигура „богословіе“ писана Рафаэлемъ подъ вліяніемъ идеала Данта, его Беатриче; она поражаетъ дѣвственной чистотою, этимъ отраженіемъ божественнаго начала въ человѣкѣ. Два генія держатъ передъ нею скрижали съ надписью: „Divinarum rerum notitia“, т. е., провозвѣстница божественныхъ дѣяній. Философія представлена въ лицѣ умной, мощной женщины не первой молодости. Ее окружаютъ крылатые геніи держащіе передъ ней скрижали, на которыхъ начертано: «Causarum cognita», т.-е., Познаніе началъ. Поэзія олицетворена въ образѣ прелестной, юной дѣвы съ могучими крыльями, виднѣющейся въ облакахъ. По сторонамъ ея лица маски: комическая и трагическая. Геніи держатъ передъ нею скрижали съ девизомъ: „Numine afflatur“, она вдохновляется Божествомъ. Четвертая фигура—правосудіе—это строгая, разумная дѣва съ мечемъ и вѣсами въ рукахъ, передъ которой крылатыя существа держатъ скрижали съ надписью: „Jus suum uni cuique tribuit“, она надѣляетъ по заслугамъ.

Эти четыре образа пополняютъ изображенія на стѣнахъ залы. До Рафаэля содержаніе для картинъ бралось только изъ дѣйствительной жизни; изображались историческія со-

бытія или историческія личности. Рафаэлю было поручено украшеніе стѣнъ и другихъ двухъ смежныхъ залъ Ватикана. Хотя и здѣсь встрѣчаются превосходныя картины, но не выдерживаютъ сравненія съ произведеніями первой залы. На потолкѣ второй залы Рафаэль изобразилъ: „Принесеніе въ жертву Исаака“, „Сонъ Іакова“ и „Явленіе Бога Моисею въ огненномъ кустѣ“. Лучшими картинами этихъ покоевъ считаются: „Геліодоръ изгнанный ангеломъ изъ іерусалимскаго храма“, „Освобожденіе Петра изъ темницы“ и „Вторженіе Атиллы въ Римъ“. Последняя поражаетъ величіемъ задуманнаго плана. Во время этихъ трудовъ умеръ могущественный покровитель Рафаэля Папа Іюлій II*). Счастье и тутъ не измѣнило своему любимцу. Преемникъ Іюлія II, кардиналъ Джіованни де Медичи, въ папствѣ Левъ X, отличался обширнымъ образованіемъ и любовью къ роскоши, какъ и его предшественникъ. Онъ пожелалъ, чтобы всѣ комнаты его дворца были расписаны Рафаэлемъ и приказалъ стереть со стѣнъ работы другихъ художниковъ, но нѣкоторыя изъ нихъ нетронуты Рафаэлемъ. Занятія Рафаэля въ Ватиканѣ не ограничивались однѣми стѣнными фресками. По порученію Льва X онъ принималъ участіе въ колоссальной постройкѣ храма св. Петра; кромѣ того занимался скульптурными и граверными работами, и во всемъ проявлялась его геніальность. Понятно, все это требовало огромнаго труда и много времени, и конечно Рафаэль не могъ исполнять все одинъ. Большей частію онъ набрасывалъ планы, а кончали его ученики. Между ними всѣхъ даровитѣе считаются: Джуліо Романо, Перино дель Вага, Тимоѳей Витти и др. Но ни одинъ изъ нихъ не усвоилъ кисти учителя.

Львомъ X заказаны были Рафаэлю, такъ называемыя, „Ватиканскія ложи“. Особенно великолѣпны ложи II яруса, украшенныя арабесками, фигурами и животными. Полъ устланъ мозаикою. Двери покрыты тонкою рѣзьбой, а своды укра-

*) 1513 года, 18 апрѣля.

шены изображеніями изъ Ветхаго и Новаго завѣта, по наброскамъ Рафаэля. У насъ въ Россіи есть копія съ этихъ ложъ, сдѣланная во время Екатерины II. Копія въ величину оригинала, помѣщена въ особой галлерей и въ томъ же порядкѣ, и съ тѣми же украшеніями какъ и въ Римѣ. Папа Левъ X заказалъ во Фландріи драгоцѣнные гобеленовые ковры, для украшенія стѣнъ Сикстинской капеллы и для употребленія ихъ при торжественныхъ церковныхъ церемоніяхъ. Рафаэлю было поручено составить 'для нихъ картоны. Сотканные по этимъ картонамъ ковры возбудили удивленіе всего Рима. Къ счастью ковры эти сохранились и до настоящаго времени. Содержаніе картоновъ взято изъ жизни апостоловъ Петра и Павла. Лучшими считаются: „Чудесный ловъ рыбы“, „Смерть Ананія“ и „Исцѣленіе хромаго“. Послѣдняя картина замѣчательна тѣмъ, что здѣсь Рафаэль впервые вывелъ элементъ уродливости, никѣмъ до него не затронутый. Замѣчаютъ что лучшія картины Рафаэля созданы подъ вліяніемъ выдающагося впечатлѣнія. Такъ его первыя картины въ духѣ Перуджино отличаются простодушнымъ выраженіемъ лицъ. Во Флоренціи отразилось вліяніе Микель Анжело, работы его той эпохи отличаются смѣлостью идеи и силой выраженія. Въ послѣднемъ періодѣ своего развитія Рафаэль является вполне самостоятельнымъ творцомъ—онъ создаетъ свою „Сикстинскую Мадонну“, „Мадонна“ вполне написана самимъ Рафаэлемъ. Эта картина пользуется всемірною извѣстностью и составляетъ драгоцѣнную собственность дрезденской картинной галлерей. Впечатлѣніе, производимое „Мадонною“, прекрасно передано нашимъ поэтомъ, Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ въ одномъ изъ его заграничныхъ писемъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

„Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Я рѣшился придти въ галлерейю какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Мнѣ удалось; я сѣлъ на софу, противъ картины

и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Этотъ часъ принадлежитъ къ счастливымъ часамъ моей жизни. Она теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекать вниманіе, но какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ, все окружающее исчезаетъ, такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслею о Мадоннѣ и, вѣрно, какой нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: „она здѣсь!“ закричалъ онъ, указавъ на полотно и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ. И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостью красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостью, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное предъ глазами полотно; на немъ лица обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ и, несмотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздёрнулась и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: небо кажется пусто и какъ будто туманно, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все—и самый воздухъ обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной мимоидущей Дѣвы. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. Въ лицѣ ея находишь въ какомъ-то таинственномъ изображеніи все: спокойствіе, чи-

стоту, величіе и даже чувство, но чувство перешедшее за границу земнаго: мирное, постоянное, не могущее возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія, но въ нихъ есть какая-то глубокая чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ ему престолу: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть ничто иное, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ! И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе—св. Сикстъ и мученица Варвара—стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія, — мирная и счастливая, святая Варвара очаровательна своей красотой: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе. Она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которыми какъ будто дѣлится таинствомъ мысли... Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ о землѣ: это сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное!...”

Нѣтъ возможности перечислить все созданное кистью Рафаэля, вотъ еще одно его прелестное твореніе, хранящееся въ виллѣ Фарнезино; близъ Рима. Это его, въ чисто-античномъ вкусѣ, стѣнные фрески, въ которыхъ Рафаэль обезсмертилъ сказку „Амуръ и Психея“. Недостатокъ времени заставилъ Рафаэля и въ этомъ произведеніи прибѣг-

нута къ помощи своихъ учениковъ. Но одна изъ этихъ картинъ принадлежитъ исключительно его кисти. Это — „Галатея“. Галатея изображена въ видѣ прекрасной нимфы моря, сидящей на раковинѣ, которую везутъ дельфины. За нею слѣдуетъ торжественная свита граціозныхъ сиренъ и тритоновъ, наполняющихъ собою воздухъ и воды. Это произведение олицетворило время, которое пережилъ языческо-греческій міръ въ первую эпоху своего существованія.

Рафаэль не ограничился живописью, онъ пробовалъ свои силы въ скульптурѣ, зодчествѣ и гравированнѣ. По порученію Льва X, Рафаэль, принимая участіе въ постройкѣ храма св. Петра въ Римѣ, какъ и во всемъ за что брался, оправдалъ высокое довѣріе папы. Подъ его руководствомъ и отчасти при его содѣйствіи, произведено мраморное изваяніе мальчика на дельфинѣ. Оригиналъ утраченъ, существуютъ только копіи. Второе его произведение—Пророкъ Іона въ образѣ прекраснаго юноши.

Несмотря на высокое уваженіе, которымъ Рафаэль пользовался при жизни, къ сожалѣнію, очень мало извѣстно о его частной жизни. Извѣстно, что онъ, какъ и Микель Анжело, никогда не былъ женатъ. Говорятъ, будто бы въ послѣдней годъ жизни онъ былъ обрученъ съ Маріей Бибиенной — племянницей кардинала Бибиенна; но свадьба, по неизвѣстнымъ причинамъ, не состоялась. Вращаясь при великолѣпномъ дворѣ папы Льва X, Рафаэль имѣлъ возможность встрѣчаться съ знаменитѣйшими изъ его современниковъ. Въ числѣ лицъ, оказывавшихъ на него особенное вліяніе, были: ученый кардиналъ Бембо, графъ Кастегліоне и замѣчательный лингвистъ—Марко Фабіо Кальво. Съ послѣднимъ Рафаэль былъ особенно друженъ и пользовался его знаніемъ латинскаго языка для переводовъ книгъ, которыя оказались необходимы Рафаэлю, когда папа поручилъ ему надзоръ надъ раскопками въ Римѣ и его окрестностяхъ.

Посреди этой плодотворной, многосторонней дѣятель-

ности, Рафаэля сразила болѣзнь и въ нѣсколько дней прекратила его драгоценную жизнь. Онъ умеръ 37 лѣтъ, 6-го апрѣля 1520 г., въ день своего рожденія.

Кончина Рафаэля вызвала общую скорбь о невознагражденной потерѣ.

Его оплакивало не только что отечество, но и всѣ страны, куда вмѣстѣ съ его твореніями проникла и его громкая слава.

Внезапная смерть Рафаэля породила много толковъ и легендарныхъ рассказовъ. Между прочимъ рассказываютъ, что когда врачи извѣстили папу Льва X о безнадежномъ положеніи Рафаэля, и онъ пожелалъ дать умирающему послѣднее благословеніе, то въ это мгновеніе его извѣстили, что Рафаэль уже умеръ. Тогда папа въ слезахъ воскликнулъ: „Ora pro nobis“ (молись за насъ). Эти слова, произнесенныя главою церкви, такъ поразили присутствующихъ, что Рафаэля причислили къ лику святыхъ.

Всѣ свои неоконченныя артистическія произведенія Рафаэль распредѣлилъ между своими учениками — Франческо Пенни и Джуліо Романо, они обязались окончить работы ихъ любимаго маэстро. Исполнить это было всего труднѣе относительно послѣдней картины Рафаэля „Преображеніе Господне“. Говорятъ, что если бы Рафаэль самъ окончилъ эту картину, то она была бы вѣнцомъ его твореній. Смерть помѣшала, онъ самъ исполнилъ только образы—возносящагося къ небу Спасителя, Моисея и Ілію, вмѣстѣ съ апостолами Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ.

Рафаэль еще за долго до кончины избралъ себѣ мѣсто погребенія — часовню въ церкви Пантеона. Онъ велѣлъ обложить ее мраморомъ и заказалъ на нее своему другу скульптору Лоренцентро статую Мадонны.

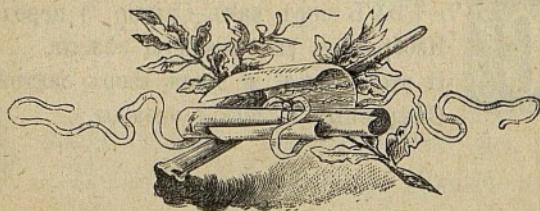
Вотъ надгробная надпись надъ могилою великаго Рафаэля:

„Во имя Бога Всемогущаго“!!! „Здѣсь покоится Рафаэль Санти, сынъ Джіованни, родомъ изъ Урбино, великій живо-

писецъ, соперникъ древнихъ. Въ живыхъ образахъ его произведеній природа слилась съ искусствомъ. Твореніями своими въ областяхъ живописи и зодчества, онъ возвеличилъ славу папы Іюлія II и Льва X. Жизнь его длилась ровно 37 лѣтъ, смерть прервала ее 6 апрѣля 1520 года, въ день годовщины его рожденія!

Нонна Лопова.

М А Д О Н Н А.

БЪ ТѢХЪ поръ какъ Санціо *) передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

* * *

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ
Съ улыбкою къ Маріи наклоненной—

* * *

О, какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много со святаго полотна,
Ты плешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

---

*) Рафаэль.

ПЕРЕЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ БРЕННЕРЪ.

(Путевыя записки).

ВАНО утромъ выѣхали мы изъ Мюнхена. Небо было пасмурно, туманъ разстился по полямъ. Что это? ужъ не дождь-ли? Нѣтъ, это паръ на стеклахъ отъ локомотива. Ничто не обѣщало хорошей погоды, намъ надобно было въ этотъ день проѣзжать черезъ Бреннеръ. Вѣроятно мы ничего не увидимъ! Впрочемъ часто чѣмъ меньше ожидаешь, тѣмъ больше удастся; и въ самомъ дѣлѣ, по тому направленію, куда мы ѣхали, небо стало проясняться, облака не лежали сплошной массой, были свѣтлѣе и легче. Стали появляться сосновые лѣса, деревянные домики, холмы. Черезъ часъ или два, на горизонтѣ появились величавые силуэты горъ. Непривыкшій глазъ не могъ бы различить облака это, или горы, но я сейчасъ узнала. Горы! Сердце мое такъ и встрепенулось имъ на встрѣчу. Какъ давно я не видала горъ! Лучшіе годы моего дѣтства я провела въ горахъ, онѣ какъ бы защищали меня отъ вѣшнихъ бурь; жизнь моя разцвѣ-

тала въ горахъ тихо и свѣтло. Много счастливыхъ минутъ пережила я и впослѣдствіи, но той первой беззаботности, того перваго душевнаго спокойствія, уже никогда не находила. Когда я снова увидѣла васъ, горы, мнѣ показалось, что кто-то развернулъ передо мною свитокъ картинъ моего дѣтства. Многое забытое воскресло. Вспомнились когда-то слышанныя слова: „какъ пріятно должно быть жить въ сосновомъ лѣсу, далеко, далеко отъ всѣхъ и только съ кѣмъ нибудь намъ очень дорогимъ!“ Тогда эти слова мнѣ показались странными, я думала, что за удовольствіе въ уединеніи. Теперь чувствую ихъ значеніе! Бываютъ минуты, когда душа ищетъ отдыха, тишины, хочется этихъ роскошныхъ уединенныхъ пустыней и одной природы.

Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ больше просвѣтлялось небо, и когда окрестность приняла совсѣмъ живописный видъ, солнце разлило золотые лучи на вѣчные снѣга горъ. Казалось, кто-то мало по малу открывалъ занавѣсъ и освѣщалъ, приготовляя представленіе. Насъ окружали скалы, лѣса, кое-гдѣ виднѣлись древніе замки. Но это еще не Бреннеръ, онъ далѣе за Инспрукомъ. Инспрукъ хорошенькое мѣстечко, со всѣхъ сторонъ окруженное горами, среди которыхъ какъ гигантскій храмъ съ круглыми, блестящими куполами высится вершина Глокнера. Городъ пересѣкаетъ широкая рѣка Иннъ, черезъ нее переброшенъ каменный мостъ для желѣзной дороги. Изъ Инспрука мы проѣхали туннелемъ горы Изель и стали подыматься на Бреннеръ. Бреннеръ съ древнихъ временъ считается самымъ удобнымъ и самымъ живописнымъ переходомъ черезъ Альпы. Римляне часто шли черезъ Бреннеръ воевать съ германцами и оставили даже памятники до сихъ поръ сохранившіеся въ селеніяхъ и городахъ, черезъ которые намъ пришлось проѣзжать. Мнѣ всегда становится жалко, что въ такихъ интересныхъ, живописныхъ мѣстахъ проведена желѣзная дорога, хотѣлось бы совершить этотъ путь въ дилижансѣ или каретѣ, какъ это дѣлалось нѣсколько десятковъ лѣтъ тому

назадъ и останавливаться въ каждомъ городѣ и въ каждомъ мѣстечкѣ.

Долина все больше и больше суживалась, дорога извивалась по склону скалъ и то и дѣло исчезала въ тунеляхъ. Внизу—пропасть, на днѣ ея зеленый горный потокъ—Зилль. Я особенно люблю горныя рѣки. Въ нихъ нѣтъ величія и спокойствія рѣкъ полянъ, за то такъ весело смотрѣть какъ изумрудныя волны перекидываются черезъ камни, журчатъ тысячами маленькихъ каскадовъ и сыплются кипучей пѣной. Это—вѣчная жизнь, говоръ и плескъ. Темныя сосны, ухватившись корнями за уступы скалъ, растутъ почти вертикально, погружая свои мохнатыя вѣтви въ бездну. А скалы возвышаются, какъ гигантскія крѣпости; тутъ вы видите бастионы, колонны, замки, фортификаціи и все въ размѣрахъ поражающей величины. Невольно вспомнишь сказанія о титанахъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подымались, показывался снѣгъ. На послѣдней возвышенности Бреннера, среди скалъ, находится маленькое озеро, точно изумрудная чаша. Тутъ истокъ рѣчки Зилль, впадающей въ Иннъ, принадлежащей бассейну Чернаго моря, и рѣчки Эйзакъ, бросающейся въ Адигъ. Нѣсколько минутъ простояли мы на станціи Бреннеръ. Кругомъ насъ все было покрыто снѣгомъ, воздухъ чистый и морозный; мы вышли изъ вагона полюбоваться горами, высившими надъ нами свои сѣдыя вершины.

Нѣсколько бѣдно одѣтыхъ женщинъ поднесли путешественникамъ кувшины холодной ключевой воды, а дѣти продавали букетики эдельвейсъ. *)

— Вы сами достаете эти цвѣты? спросила я у мальчика, который мнѣ ихъ продалъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, намъ, дѣтямъ, это слишкомъ трудно, одни охотники ихъ могутъ доставать.

Эдельвейсъ—цвѣтокъ растущій на самыхъ опасныхъ вы-

*) Бѣлыя альпійскія розы.

сотахъ. Между дикими камнями, на вершинахъ горъ, или на краю ущелій, покрытыхъ льдомъ, тамъ, гдѣ всякая растительность прекращается, гдѣ вѣчный снѣгъ, тамъ—красуются бѣлыя бархатныя звѣздочки эдельвейсъ. Онѣ какъ бы хотятъ утѣшить обѣднѣвшую природу и служить воспоминаніемъ о роскоши долинъ.

Когда я вижу снѣжныя горы, а надъ ними голубое небо, мнѣ часто приходитъ на мысль, что такъ и въ жизни, чловѣкъ проходитъ труднымъ путемъ и, умирая, вступаетъ въ страну вѣчнаго свѣта и блаженства.

Желѣзная дорога стала мало по малу спускаться, открывая очаровательные виды. Солнце закатываясь набрасывало на картины фантастическій колоритъ. Тѣни болѣе выдавались, а обступившіе со всѣхъ сторонъ ледники блестѣли ослѣпительно. Тамъ поднималась въ небо розовая пирамида, здѣсь алѣла йсполинская башня, изъ-за нее выглядывали капризные, точно раскаленные уголья, гребни. Какой-нибудь лучъ солнца, ударивши въ стекло бѣднаго деревяннаго домика, дробился искрами и окна изъ далека сіяли среди темнаго сосноваго лѣса. Древніе зѣмки, развалины принимали все болѣе и болѣе фантастическій характеръ. Вдругъ узкая долина повернула, и передъ нами широкая поляна; вдали цѣпи снѣжныхъ горъ; со стороны Италіи заря разлила горячій румянецъ, легкія облака расположились на небѣ, какъ золотые острова. Такъ и тянетъ туда, въ эту сіяющую даль, будто въ волшебную страну. Желѣзная дорога спускается по склону порфирныхъ скалъ, а вотъ городъ Бреccаноне, на холмѣ высится крѣпость Франценсфесте, среди садовъ подымается колокольня монастыря Нейштифта.

Мы проѣзжаемъ зѣмки, города, начинается смеркаться и тихо всходитъ луна. Луна даетъ мало свѣта, сегодня затмѣніе, болѣе половины луны не видно. Въ темныхъ горахъ начинаютъ виднѣться огоньки, виднѣются все чаще, все ближе, и вотъ мы подъѣзжаемъ къ городу Боцену. Въ долинѣ слышенъ шумъ многочисленныхъ водопадовъ. Сводъ

неба осыпанъ звѣздами, здѣсь онѣ кажутся крупнѣе, и сіяютъ ярче; серебряная дуга луны все болѣе и болѣе суживается отъ увеличивающагося затмѣнія. Воздухъ теплый, вѣетъ югомъ. У станціи Ауэръ, мы пересѣкаемъ широкій Адигъ; волны Адига переливаются какъ сталь, между двумя стѣнами крутыхъ скалъ. Скалы становятся все выше и выше, какъ бы преграждая путь къ Италіи. Къ несчастію, преграда не помѣшала разнымъ народамъ во всѣ времена нападать на эту роскошную страну. Вдали при лунномъ блескѣ, намъ показалось что-то странное: на одной изъ самыхъ темныхъ скалъ мы различили огромную, бѣлую фигуру, изображающую ангела съ распростертыми крыльями. Вѣроятно это былъ песокъ или бѣлый камень; чего не представить воображеніе разыгравшееся среди всей этой красоты. Маленькая станція С. Микеле уже навѣваетъ Италіей.

— А скоро ли граница? спрашиваемъ мы у кондуктора.

— Черезъ часъ, отвѣчаетъ онъ.

Проѣзжаемъ Триентъ, знаменитый своимъ соборомъ, построеннымъ въ 1546 году, въ ночномъ сіяніи ясно вырисовывается куполь стариннаго храма. Долина становится все роскошнѣе, со всѣхъ сторонъ сады, виноградники, вдали виднѣются опять старые замки, въ одномъ изъ этихъ замковъ жилъ Данте, изгнанный изъ Франціи, какъ гиббелинъ. Наконецъ, мы—въ Ала, на границѣ Италіи. Тутъ таможеня и почти всѣ говорятъ по итальянски. Выѣзжая со станціи, мы хотѣли смотрѣть въ окно, и ничего не видали, луна въ полномъ затмѣніи, все было погружено въ мракъ. Мы радовались, что наконецъ въ Италіи и каждый дѣлалъ увлекательные планы будущаго. „Мнѣ пріятнѣе всего то, что мы проведемъ зиму въ тепломъ климатѣ“, сказала мнѣ одна дама, „и что круглый годъ будемъ видѣть зелень“. „Я рада вообще снова увидѣть эту милую страну“, отвѣчала я, „это народъ простодушный, веселый, даже безпечность котораго мнѣ нравится; она мнѣ какъ-то съ родни; а потомъ, когда подумаешь о всѣхъ памятникахъ искусства!

Италія до того богата ими, что не только ея главные города, но даже деревни и мѣстечки могутъ похвастать чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ“. „Да“, прервалъ меня одинъ спутникъ, „Италія такая страна, что тамъ есть и вывѣски лавокъ, нарисованныя Рафаэлемъ“. „Ну ужъ прошу васъ не преувеличивать!“ воскликнула я, смѣясь. „Я не преувеличиваю“, отвѣчалъ онъ, „развѣ вы не читали, что когда Рафаэль въ своей молодости путешествовалъ изъ Флоренціи въ Римъ, то остановился въ какой-то деревушкѣ и пошелъ осматривать фрески въ церкви. Бѣдный кузнецъ, узнавъ, что чужестранецъ—живописецъ, попросилъ его нарисовать вывѣску для его кузницы. „Чтоже долженъ я нарисовать?“ спросилъ Рафаэль. „Да, что синьору угодно, лишь бы оно не было слишкомъ дорого“, отвѣчалъ кузнецъ, „еслибъ, напримѣръ, вы нарисовали экипажъ и лошадей, вѣдь это не будетъ слишкомъ дорого?“ „Смотри, отвѣчалъ Рафаэль, шутя, „если тебѣ угодно имѣть побогаче упряжь, оно, конечно, будетъ стоить дороже“. „Да упряжи совсѣмъ никакой и не надо“, сказалъ кузнецъ, „нарисуйте мнѣ просто экипажъ, а около пусть стоятъ лошади, будто ихъ еще не заложили“. „Такъ я это и даромъ сдѣлаю“, отвѣтилъ Рафаэль и нарисовалъ ему вывѣску, только водяными красками. Кузнецъ очень любовался вывѣской и все выходилъ на улицу посмотреть на нее. Сосѣди тоже проходя подымали головы и смотрѣли на новую вывѣску съ удовольствіемъ, а нѣкоторые даже съ завистью. Особенно не могъ видѣть ее равнодушно содержатель остеріи, у котораго совсѣмъ не было вывѣски, а вмѣсто нея надъ дверью висѣла на палкѣ полуразбитая фіаска *). Къ несчастью, не все хорошее прочно на этомъ свѣтѣ. Пошелъ дождь довольно сильный. Кузнецъ не могъ выходить любоваться на свою вывѣску, и время казалось ему нестерпимо долго. Какъ только небо немного прояснилось и дождь пересталъ, онъ побѣждалъ посмотреть на

*) Фіаска—большая бутылка оплетенная соломой.

свою любимую вывѣску, и что-же? Остался только кончикъ экипажа, лошадей же и слѣдъ простылъ, все смыто дождемъ! Кузнецъ въ отчаяніи бѣжитъ къ Рафаэлю и говоритъ ему о томъ, что случилось. „Иначе и быть не могло“, отвѣчаетъ великій живописецъ, „вы желали, чтобъ я нарисовалъ лошадей безъ упряжи и возжей, конечно, онѣ и убѣжали; но успокойтесь, я вамъ нарисую другихъ лошадей и сдѣлаю крѣпкія возжи“. И въ самомъ дѣлѣ онъ нарисовалъ вторую вывѣску, да такъ прочно, что никакой дождь не могъ смыть ее. А кузнецъ остался въ увѣренности, что лошади потому такъ тихо стоятъ и ужъ не исчезаютъ, какъ прежде, что онѣ на возжахъ.

Мы еще долго разговаривали, было уже поздно, глаза мои закрывались, я мало по малу совсѣмъ потеряла сознание. И во снѣ мерещились мнѣ тѣ волшебные виды, которыми любовалась цѣлый день. Меня на другой день въ семь часовъ утра разбудили, мы подъѣзжали къ Флоренціи; переѣздъ черезъ Бреннеръ показался мнѣ какимъ-то фантастическимъ, прекраснымъ сномъ.

Графиня Ина Капнистъ.

ДАЮЩАГО РУКА НЕ ОСКУДѢВАЕТЪ.

(Сказка).

Переводъ съ шведскаго, съ дозволенія З. Топеліуса, профессора Александровскаго Гельсингфоргскаго университета.

Ъ ОДНОЙ стороны озера была большая деревня, а на другомъ берегу его стоялъ маленькій хуторъ. Озеро было замерзше и снѣжная мятель точно облака кружилась надъ нимъ; дѣло было зимою, передъ Рождествомъ.

— Отецъ, сказала старушка, въ самомъ богатомъ дворѣ деревни, своему старику, — не удѣлишь ли ты воробьямъ для Рождества ржаной необмолоченный снопъ.

— Это мнѣ не по карману, замѣтилъ старикъ.

— Да вѣдь мы дѣлали же такъ каждый годъ, и это приносило намъ Божіе благословеніе.

— Я не въ состояніи, сурово замѣтилъ старикъ.

— Вонъ тамъ на хуторѣ, я вижу на крышѣ лежитъ

снопъ, а они всего-то сѣютъ шесть мѣръ въ своемъ полѣ, ты же—шестнадцать туннъ *).

— Болтай тамъ, возразилъ старикъ. Точно у меня мало народа кормить-то не бросая Божьяго дара бездушнымъ тварямъ.

— Какъ ты говоришь такъ, вздохнувъ сказала старуха. Божій даръ—оно конечно, да вѣдь и воробы-то Божьи созданія.

— Пеки лучше хлѣбы-то къ празднику, да смотри чтобъ окорокъ былъ жиренъ, а что намъ за дѣло до воробьевъ? проворчалъ старикъ.

Сказано—сдѣлано. Въ богатомъ дворѣ готовились на Рождество къ большому пиру со всевозможнымъ угощеніемъ, а голодные воробы летали, кружась въ снѣжной мятели.

На хуторкѣ же въ хижинѣ была бѣдность, а богатство на крышѣ. Тамъ небесныя птички весело летали кругомъ ржаного снопа. Дѣти радостно наблюдали за умножавшимися слѣдками легкихъ воробыиныхъ лапокъ на серебристомъ снѣгу и прислушивались къ ихъ оживленному щебетанью на гребнѣ крыши.

— Вотъ кабы мы обмолотили снопъ-то, вмѣсто того чтобы отдать его воробьямъ, такъ у насъ былъ бы свѣжій хлѣбъ для дѣтокъ на Рождество, замѣтила жена крестьянина—хозяйка хутора.

— А ты развѣ не знаешь что сострадательный всегда богатъ, сказалъ благочестивый крестьянинъ, взглянувъ на свою недовольную жену.

— Да, а все таки не отдавать же свой хлѣбъ небеснымъ птицамъ, повторила вздыхая старуха.

— Да хоть бы это были и лѣсные звѣри, замѣтилъ старикъ. Къ тому же я сберегъ столько денегъ, что мы можемъ купить себѣ четыре свѣжія, хорошія булки на праздникъ и

*) Финляндская бочка, содержащая въ себѣ 30 кашпъ, т. е. мѣръ.

крынку молока. Пошлемъ за ними дѣтей въ деревню съ салазками, такъ они черезъ озеро къ вечеру и вернутся назадъ.

— А какъ на льду-то они повстрѣчаются съ волками? предположила старуха.

— Я дамъ Даніэлю хорошую дубинку, сказалъ старикъ, онъ съумѣетъ защититься.

И такъ маленькій Даніэль пошелъ съ своей сестрой Анной въ деревню, купить хлѣба и молока. Между тѣмъ на льду столько навалило снѣгу, что дѣти съ трудомъ могли тащить салазки, когда начинало уже смеркаться въ Рождественскій сочельникъ и они съ хлѣбомъ и молокомъ возвращались домой на хуторъ. Оба они безпрестанно вязли въ снѣгу, сугробы кругомъ наносились все выше и выше, а имъ оставалось еще порядочное разстояніе тащиться съ салазками.

Вдругъ что-то черное шевельнулось въ темнотѣ. Оно подвигалось все ближе, ближе и дѣти, наконецъ, догадались что это былъ волкъ.

— Не бойся, сказалъ Даніэль сестрѣ. У меня хорошая дубина, съ этими словами онъ грозно махнулъ палкой въ воздухъ.

Волкъ приблизился, но не сдѣлалъ дѣтямъ ни малѣйшаго вреда. Онъ только обнюхивалъ ихъ; но обнюхивалъ ихъ какъ-то удивительно, точно выговаривалъ тихо слова, которыя поняли дѣти. „Ахъ какъ холодно, какъ холодно, точно говорилъ волкъ, а моимъ маленькимъ дѣткамъ нечего ѣсть. Дайте мнѣ немного хлѣба, ради Бога, изъ состраданія!“

— Чтожъ, сказала Анна, мы дадимъ тебѣ два хлѣбца, а сами вечеромъ поѣдимъ и черстваго; пусть только отецъ и мать будутъ съ праздничнымъ свѣжимъ хлѣбомъ.

— Большое вамъ спасибо, точно отвѣтилъ волкъ и пустился бѣжать съ двумя свѣжими хлѣбами. Дѣти прошли еще не много впередъ, какъ услышали за собой шаги, на этотъ разъ это былъ медвѣдь.

Медвѣдь мурчалъ что-то по своему, чего дѣти никакъ

не могли понять, наконецъ они догадались, что и онъ требовалъ своей праздничной доли. „Ухъ какъ холодно, какъ холодно! будто говорилъ онъ! Всѣ источники замерзли, моимъ бѣднымъ медвѣжатамъ пить нечего. Дайте мнѣ немного молока, сжальтесь ради Бога!“

— Какъ тутъ быть! Зачѣмъ же ты не спишь въ своей берлогѣ, какъ это дѣлаютъ другіе медвѣди зимой? Впрочемъ это твое дѣло. Пожалуй дадимъ тебѣ половину нашего молока. Мы съ Анной вечеромъ попьемъ и воды, только бы отцу съ матерью было чтонибудь хорошее къ празднику.

— Спасибо вамъ, сказалъ медвѣдь, получивъ молоко въ берестяной кузовокъ, который онъ взялъ въ переднія лапы и, осторожно шагая, скрылся въ темнотѣ.

Дѣти бодрѣе прежняго пошли по глубокому снѣгу, завидѣвъ въ окнѣ своей хижины мелькавшій праздничный огонь въ печи, но немного не доходя, вдругъ налетѣла на нихъ большая сова.

— Я хочу хлѣба и молока! Дайте мнѣ хлѣба и молока! кричала сова, выпуская свои длинные, острые когти, чтобы впиться ими въ дѣтей.

— А, такъ ты изъ такихъ-то, сказалъ Даніэль, постой же, я научу тебя быть повѣжливѣе. И размахнувшись ударилъ сову палкой по крыльямъ такъ, что она вскрикнувъ отлетѣла отъ нихъ прочь.

Вскорѣ дѣти пришли домой и, поспѣшно стряхивая въ сѣняхъ снѣгъ съ своихъ платьевъ, говорили:

— Мы накормили волка, рассказывала Анна.

— И дали медвѣдю напитокъ молока, добавилъ Даніэль.

— А сова попробовала палку, заливаясь смѣхомъ сказала Анна.

Потомъ рассказали они свои приключенія. Родители ихъ задумчиво посмотрѣли другъ на друга. Что бы это значило, что наши дѣти даже лѣсныхъ звѣрей пожалѣли? Съ наступившимъ вечеромъ обитатели хутора усѣлись читать библію. Въ ней были прекрасныя слова о состраданіи

къ самымъ малѣйшимъ созданьямъ, даже ко врагамъ своимъ и къ безсловеснымъ животнымъ, и какъ все даваемое должно идти отъ искренняго сердца. Но тѣ, которые даютъ, должны давать такъ, чтобы даръ ихъ не отнимался отъ истинно нуждающихся и не попадалъ вмѣсто нихъ къ тѣмъ, которые требуютъ не отъ нужды, а отъ лѣни и порока.

Когда жители хижины, покончивъ чтеніе и помолясь Богу, сѣли за столъ и стали ѣсть принесенное дѣтьми изъ деревни, то какъ отрадно было видѣть, что дѣти весело принялись за черствый хлѣбъ и за воду, а лучшее представили своимъ родителямъ; но отецъ и мать этого не захотѣли и стали дѣлить съ дѣтьми два мягкихъ хлѣба и полкрынки молока, составлявшіе ихъ лакомство.

Но пока они ѣли, то замѣтили что-то удивительное. Сколько они ни рѣзали ломоть за ломтемъ отъ свѣжихъ хлѣбовъ, хлѣбы не уменьшались, и сколько ни наливали молока стаканъ за стаканомъ изъ деревяннаго жбана, въ немъ не замѣчалось убыли.

Порядкомъ этому надивившись, они услышали, что кто-то скребется у маленькаго окна и взглянувъ увидали, что тамъ стояли волкъ и медвѣдь, упираясь передними лапами въ окно. Оба они уморительно кривлялись, кланялись, смышленно и сердечно признательно, а сзади ихъ въ темнотѣ, слышался взмахъ крыльевъ совы и крикъ хриплаго голоса къ Даніэлю: „немножко рису, угу, научи меня уму, угу! угу! угу!“

Тогда поняли старикъ со старухой и дѣти, что это было дѣло Божія благословенія въ ихъ маленькомъ хозяйствѣ. И снова, сложивъ для молитвы руки, благодарили Господа.

А на Рождествѣ, когда они возвратились изъ церкви отъ обѣдни, и зная навѣрно, что у нихъ кромѣ черстваго хлѣба и воды въ ушатѣ ничего не было, къ своему удивленію, нашли оба хлѣба и молоко въ жбанѣ нисколько не уменьшившимся и такими же свѣжими какъ вчера. И такъ было съ этихъ поръ постоянно. Пока хижина стояла, и добрые люди тамъ жили, водился тамъ всегда тотъ же празд-

ничный хлѣбъ и то же не убывавшее молоко. А воробьиное радостное щебетанье точно привлекало каждый годъ солнышко на небольшую пашню, такъ что рожь урождалась самъ-двадцать, и самъ-пятьдесятъ, когда другія поля стояли или опустошенныя или рѣдко поросшія, а здѣсь было при-волье, довольство, молитва, трудъ, состраданіе и радость въ низенькой крестьянской избушкѣ.

А богатый крестьянинъ, наѣвшись подѣ Рождество жирнаго окорока, не былъ веселъ. Чтобы ободриться, выпилъ онъ порядкомъ пива и сталъ еще грустнѣе. Солнце не сіяло такъ весело на его обширныхъ поляхъ, жатвы не были такъ обильны, а закрома частенько стояли пустыми.

— Это вѣрно оттого, что мы много раздавали бѣднымъ, сказалъ онъ. Не дѣло это, старуха, не дѣло; гони всѣхъ нищихъ прочь!

Такъ они и дѣлали, однакожъ закрома постоянно пустѣли. Мы много ѣдимъ, подумалъ старикъ, и сталъ съ каждымъ днемъ уменьшать мѣру ѣды, но и отъ этого не стало лучше. Волки и медвѣди поѣли ихъ лошадей, коровъ и овецъ; бѣдность, какъ говорится, стучалась въ двери и старикъ не понималъ: какъ это могло случиться, когда все было такъ разумно устроено у него въ хозяйствѣ.

— Нѣтъ, все-таки мы еще много ѣдимъ, замѣтилъ онъ снова. Станемъ-ка печь хлѣбъ изъ сосновыхъ шишекъ, а супъ варить изъ брусники. Да пожалуйста, старуха, не давай ты ничего ни бѣднымъ, ни нищимъ. Нечего намъ быть жалостливыми.

— Я пойду на хуторъ по ту сторону озера, сказала старуха, и спрошу отчего у нихъ есть всегда хлѣбъ, тогда какъ мы нуждаемся.

— Сходи, согласился старикъ. Я увѣренъ, что они хозяйничаютъ умнѣе насъ.

Старуха пошла и вернулась съ отвѣтомъ, что на хуторѣ часто отдавали послѣдній хлѣбъ нуждающимся, а между

тѣмъ, никогда не терпѣли недостатка въ немъ, потому что Божье благословеніе возвращало имъ десятирицею.

— Удивительно, подумалъ старикъ. Посмотри, вонъ нашъ послѣдній хлѣбъ, брось его нищимъ бродягамъ, тамъ за дорогой, пусть его разорвутъ на тысячу частей.

— Нѣтъ, возразила старуха. Надобно при этомъ еще что-то, это именно: давать отъ искренняго сердца.

— Неужели? Ну такъ дай отъ добраго сердца, да пожелай: чтобы Богъ возвратилъ намъ десятирицею. Нельзя же просто давать безъ возмездія.

— Надобно давать, замѣтила жена.

— Что?... Не желать даже и спасибо?

— Часто получать неблагодарность, а все-таки давать.

— Это уже что-то удивительно усомнился старикъ, покачивъ головою. Откуда же это извѣстно?

— Старуха отвѣтила ему: Царь Давидъ въ 37 псалмѣ говоритъ: что ни въ юности, ни въ старости своей, онъ никогда не видалъ творящаго добро—оставленнымъ, или дѣтей его голодными.

— Послушай-ка, старуха, тамъ въ ригѣ лежитъ необмолоченный снопь. Сбереги его воробьямъ къ Рождеству Христову. Мы начнемъ съ этого.

А. Гурьева.

Открыта подписка на 1883 годъ
на иллюстрированный дѣтскій журналъ

2-й годъ
изданія.

„РОДНИКЪ“

2-й годъ
изданія.

Журналъ „РОДНИКЪ“ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКЪ“, между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: В. П. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Вемъ, П. В. Выковъ, Е. Н. Водовозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшниковъ, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. И. Северинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналъ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ „РОДНИКУ“: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и пер.	6 р.	на годъ безъ приложенія съ дост. и пер.	5 р.	на $\frac{1}{2}$ года безъ приложенія	3 р.	за-границу на годъ съ приложеніемъ	8 р.
---	-------------	---	-------------	---	-------------	--	-------------

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“, Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

При конторѣ дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“ имѣется „книжная торговля исключительно для иногородныхъ“, которая исполняетъ скоро и аккуратно всякія порученія по покупкѣ и пересылкѣ книгъ, нотъ и учебныхъ принадлежностей. Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: *Петербургъ, Спасская ул., д. № 1, въ контору дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1883 году, журналъ «Игрушечка» будетъ издаваться по прежней программѣ: стихотворенія, повѣсти, рассказы, біографіи знаменитыхъ людей, статьи по исторіи, естественнымъ наукамъ и технологіи. Статьи каждаго № будутъ по возможности пополнять и пояснять другъ друга. Нумера будутъ выходить по воскресеньямъ отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома по 25 номеровъ въ каждомъ, что въ общемъ составитъ болѣе 100 печатныхъ листовъ съ 150 рисунками. Въ журналѣ примутъ участіе: С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ, (проф.) Е. И. Бороздина, Е. М. Бемъ, Воскресенская, И. О. Горбуновъ, Григорова, Е. Н. Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ, Е. Ф. Добрынина, Желиховская, гр. П. Капнистъ, гр. Ина Капнистъ, Н. Н. Каразинъ, Н. Н. Кувшинниковъ, Н. Капустина, Н. С. Лѣсковъ, С. И. Лаврентьева, Н. Е. Львова, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Плещеевъ, Н. Попова, Н. Северинъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. Н. Садовниковъ, А. Г. Сахарова, гр. Е. Сальясъ, И. В. Сорокинъ, проф., гр. Толстая, А. Н. Толибѣрова. Е. Ф. Юнге и др.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ доставкою и пересыл. 6 р. } На полгода съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
» » безъ доставки и перес. 5 » } » » безъ дост. и пер. 3 » —

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—за 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 ноября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.